установить прямую связь и с категорией определенности/неопределенности, так как АВ может характеризовать как определенные, так и неопределенные имена (а также и не-имена), ср. *Поезд пришел*: либо некий поезд как представитель класса, т. е. неопределенный (например, *Поезд пришел, поэтому много народу*), либо данный поезд, которого ждали, т. е. определенный (например, *Поезд пришел, быстро на посадку!*).

Более привлекательной кажется интерпретация АВ в качестве способа выражения контрастивности, ср. *Николая устроили. Где Павел будет жить?* (с. 23). Однако Т. М. Николаева справедливо замечает, что не все случаи АВ покрываются этой интерпретацией, ср. употребление с семантикой интенсивности (*Я абсолютно с ним не согласен*), результативности (*Он все продумал. И добился желанных результатов*) и некоторые другие (с. 24).

Интересный разбор соотношения АВ с актуальным членением предложения дается в 7-м разделе I главы (с. 33—39). Т. М. Николаева, с нашей точки зрения, полностью права, когда утверждает, что факт актуального членения был при зарождении теории и во многом остается до сих пор эмпирически наблюденным феноменом, у которого нет содержательной интерпретации. Имеющиеся толкования, как показывает автор, сводятся к тому, что: а) в предложении есть некоторый коммуникативный центр, который в целом можно отождествить с тем, что называют ремой; б) актуальное членение — это, пользуясь словами В. Матезиуса, «формальный способ включения [высказывания] в контекст». Ясно, что эти положения, к которым фактически сводим существующий узус, не объясняют содержательную специфику единиц актуального членения, не отграничивают актуальное членение от других категорий лингвистики текста.

Что же касается связи АВ с категориями актуального членения, то постулирование такой связи, типичное для многих исследований, вызывается, как справедливо отмечает Николаева, стихийным отождествлением «самого выделенного» — т. е. слова под АВ — и коммуникативно «самого важного» — т. е. ремы. В действительности же рематичность и АВ находятся в разных плоскостях; рема может сопровождаться как нейтральным фразовым ударением, так и АВ.

Позитивное решение, которое предлагает Т. М. Николаева, заключается в том, что АВ выполняет две основные функции: а) оно создает «теневой контекст», «коммуникативно-текстовую ауру» высказывания, т. е. *Петр не вернулся* предполагает „Другие (другой) вернулись (вернулся)“ («фраза-тень»), *Петр читает книгу* предполагает „А не просто рассматривает“ или „А не переписывает (не пишет)“ и т. п.; б) АВ указывает на экстранормальность ситуации, проявления данного признака, ср. *Мне чрезвычайно понравился фильм Это огромной важности факт* и т. п. Таким образом, АВ «действует в рамках отрицания двух признаков — замкнутости (INTERN) и нормы (NORM). Высказывания с АВ передают либо более широкий фон ассоциации, либо экстранормальные оценки» (с. 42). В обоих случаях налицо связь с неким контекстом; при реализации признака [-INTERN] это связь с синтагматическим «теневым» контекстом, а при реализации признака [-NORM] — с парадигматическим, так как здесь налицо сравнение с внутрисистемными представлениями о норме.

Представляется, что изложенная интерпретация — важный шаг вперед на пути проникновения в семантику высказываний с АВ и в семантику предложения вообще. Признаки, которые Николаева указывает для семантики АВ, несомненно присущи соответствующим высказываниям. Мы хотели бы лишь добавить к этой интерпретации некоторые дополнительные соображения.

Что, собственно, представляет собой «теневой контекст»? Т. М. Николаева пишет: «произнесенное даже изолированно *Только он не вернулся* и предполагает, что все остальные вернулись» (с. 28). Иначе говоря, значение „все остальные вернулись“ с необходимостью входит в толкование — т. е. в семантику — предложения *Только он не вернулся* (хотя и в качестве пресуппозиции). Если так, то можно утверждать, что семантическая специфика высказываний с АВ (при реализации признака [-INTERN]) заключается в следующем: 1) одной синтаксической структуре здесь соответствует более чем одна семантическая; 2) одна из «дополнительных» семантических структур содержит отрицание, если предложение утвердительное, и является утвердительной, если предложение отрицательное; 3) одна из «дополнительных» семантических структур содержит переменные, которые могут заменяться постоянными путем привлечения контекстной (в широком смысле) информации; 4) одна из «дополнительных» семантических структур постоянна, она указывает на то, что распределение отрицаний между семантическими структурами — единственно верное („обратное неверно“). Таким образом, синтаксической структуре с АВ *Петр не вернулся* соответствует (приблизительно) семантическая запись, состоящая из следующих структур: ‘Петр не вернулся’ & ‘X вернулся’ & ‘Обратное неверно’. Идентификация переменной X может быть осуществлена только путем споры на контекст, и именно в этом, думается, заключается связь АВ-высказываний с контекстом, их разомкнутость, о которой говорит Т. М. Николаева.

Заметим здесь, что вряд ли следует говорить об АВ в случаях типа примеров И. И. Ковтуновой, приводимых Т. М. Николаевой: *Холодом ударило в лицо из*